

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ

Преступление, будучи актом сознательной волевой деятельности человека, в значительной мере обусловлено сущностью и особенностями лица, избравшего подобную форму поведения.

Изучение лиц, совершающих преступления в сфере незаконной добычи рыбы или других водных животных, имеет практическую значимость и является одним из актуальных вопросов, которые впоследствии не имеют значения при квалификации совершенного преступления, но должны учитываться при назначении наказания.

Криминологическая характеристика лиц, совершающих незаконную добычу рыбы или других водных животных, сложна и требует разностороннего рассмотрения, поскольку преступления в данной сфере совершают или могут совершить лица с абсолютно противоположными качественными характеристиками. Люди, совершающие рассматриваемые преступления, различаются по возрасту, социальному статусу, интеллектуальному и образовательному уровню, материальной обеспеченности, образу жизни, общественной значимости и по ряду других особенностей.

Проведенное нами выборочное криминологическое исследование, анализ имеющихся статистических данных судебно-следственной практики позволяют установить прежде всего социально-демографическую характеристику лиц, совершающих незаконную добычу рыбы или других водных животных.

Данное преступление совершают преимущественно мужчины (98,2 %). Это можно объяснить биологическими, физическими, психологическими различиями мужчины и женщины. Так, мужчины обладают большей физической силой, определенными навыками и умениями. Это в большинстве своем сельские жители (59,4 %).

Возраст является одним из наиболее важных социально-демографических признаков личности. Возрастная характеристика позволяет сделать выводы об особенностях преступного поведения представителей различных возрастных групп, а также определяет потребности, жизненные цели людей, круг их интересов, образ жизни. По степени криминальной активности возрастные группы лиц, совершающих незаконную добычу рыбы или других водных животных, выглядят следующим образом: от 16 до 25 лет – 13,2 %; от 25 до 45 лет – 62,1 %; свыше 45 лет – 24,7 %. Как видим, наибольшая противоправная активность приходится на средневозрастную группу.

Образовательный уровень этой категории лиц имеет большое значение, так как связан с социальным статусом, культурой личности и возможностями реализации жизненных планов. Результаты проведенного нами исследования дают основание утверждать, что образовательный уровень лиц, совершивших незаконную добычу рыбы или других водных животных, невысокий. Объяснить это можно тем, что для совершения рассматриваемого преступления необязательны те знания, которые граждане получают в учреждениях среднего специального и высшего образования. Структура образования среди лиц, совершивших незаконную добычу рыбы или других водных животных, следующая: незаконченное среднее – 12,8 %; среднее – 54,3 %; среднее специальное – 28,8 %; высшее – 4,1 %.

Серьезного внимания заслуживает криминальная активность лиц без определенных занятий, т. е. неработающих и обучающихся в учреждениях образования на момент совершения преступления. Данная категория лиц является наиболее криминальной социальной группой среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности (44,3 %). Быстрый и сравнительно легкий источник заработка при минимальных денежных вложениях может объяснить их желание совершать данные преступления. Следующая по численности группа – рабочие (42,5 %), в большинстве своем занимающие низкооплачиваемые должности, отдельные из них страдают алкогольной зависимостью. В числе лиц, совершивших преступления в сфере незаконной добычи рыбы или других водных животных, менее значительную часть составляют пенсионеры (6,7 %), служащие (3,5 %), студенты (2,6 %), предприниматели (0,4 %).

Значительное влияние на поведение личности оказывает семейное положение, которое влияет на направленность и устойчивость преступного поведения, так как в большинстве случаев семья останавливает от противоправного поведения. В целом распространенность преступности среди лиц, имеющих семью, ниже, чем среди лиц, не состоящих в браке, и составляет соответственно 39,7 и 60,3 %.

Среди лиц, занимающихся незаконной добычей рыбы или других водных животных, можно выделить отдельные группы по характеру мотивации: совершение преступления из желания заработать (59,8 %); совершение преступления из-за спортивного азарта (16,9 %); совершение преступления из-за тяжелого материального положения (17,9 %).

Знание особенностей лиц, совершающих преступления, умение выявить основные характеризующие их признаки и свойства является непременным условием организации и осуществления предупреждения данного вида преступлений.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Вопрос об определении основания уголовной ответственности был и остается в поле зрения отечественной науки уголовного права. Важность этого вопроса проявилась и в попытках законодательного закрепления такого основания. Так, в принятых в 1958 г. Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик сохранилась самостоятельная ст. 3, посвященная определению оснований уголовной ответственности, в которой указывалось: «Уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, то есть умышленно или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Данное положение было воспроизведено во всех уголовных кодексах союзных республик, входивших в состав СССР (ст. 3 УК РСФСР, ст. 3 УК БССР и др.).

Однако формулировка приведенной нормы не была достаточно четкой, что побуждало ученых интерпретировать ее по-разному. Например, А.А. Пионтковский в «Учении о преступлении», приведя текст данной статьи, отметил: «Это значит, что для привлечения к уголовной ответственности и признания лица виновным по советскому уголовному праву необходимо установить, что в совершенных им действиях имеется состав определенного преступления». И хотя в законе о составе преступления не упоминалось, ученый его «прочитал» исходя из толкования приведенного положения, касающегося слов «совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние». Далее он отметил: «Установление в действиях лица определенного состава преступления является единственным основанием уголовной ответственности этого лица».

Другие ученые, исходя из указанной формулировки, где, безусловно, сделан весьма внушительный акцент на вину, обосновывали позицию о вине как единственном основании уголовной ответственности. Но, как отметила в 1987 г. С.Г. Келина, этот взгляд стал уже достоянием истории науки: дискуссия на эту тему активно велась в 50-х гг.

Вместе с тем, несмотря на то что термин «состав преступления» в уголовном законодательстве отсутствовал, его признание применительно к определению основания уголовной ответственности было осуществлено в уголовно-процессуальном законодательстве. Например, в ст. 5 УПК БССР «Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу» в числе оснований отказа в возбуждении уголовного дела либо его прекращения значилось такое основание, как отсутствие в деянии состава преступления. Правда, наряду с таким основанием значились и другие, близкие ему основания: отсутствие события преступления; недостижение к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по достижении которого согласно закону возможна уголовная ответственность.

Отметим также нечеткость нормы, содержащейся в ст. 3 Основ уголовного законодательства, в части количественного обозначения оснований уголовной ответственности. В ее названии звучало «основания», а не «основание» уголовной ответственности. Это позволяло выводить вину за рамки состава преступления и признавать ее наряду с ним самостоятельным основанием уголовной ответственности. Более того, некоторые ученые утверждали о наличии объективных и субъективных оснований уголовной ответственности. Оценивая такие взгляды, А.А. Пионтковский утверждал, что всякая попытка в теории уголовного права создать какие бы то ни было особые основания уголовной ответственности, лежащие за пределами состава преступления, практически означала бы его умаление. Тем самым создавалось бы теоретическое оправдание для всевозможных нарушений законности, судебское усмотрение ставилось бы выше прямых требований закона. Эти слова, написанные в период, когда страна решительно отвергала беззаконие, проявлявшееся в многочисленных репрессиях, нередко оправдываемых наличием вины, выбитой у привлекаемых к уголовной ответственности невиновных граждан, имели особое значение.

При разработке ныне действующих уголовных кодексов России, Беларуси и других государств – участников СНГ, а также стран Балтии, законодательство которых развивалось в едином ключе, ученые вновь вернулись к проблеме законодательного закрепления основания уголовной ответственности и, соответственно, анализу трех имеющихся точек зрения по этому вопросу: вина, совершенное преступление, состав преступления. Самой же распространенной оказалась точка зрения, согласно которой упрочивались роль и значение состава преступления как в науке уголовного права, правоприменительной практике, так и в законодательстве.

Ее сторонниками явились такие известные советские ученые, как А.А. Герцензон, С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.А. Пионтковский, В.Г. Смирнов, А.Н. Трайнин (автор идеи), М.Д. Шаргородский и др.

В разработанный для государств – участников СНГ модельный Уголовный кодекс была включена ст. 3 «Основание уголовной ответственности», которая гласила: «Уголовной ответственности подлежит лишь лицо, совершившее преступление, то есть деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом». Указанный подход воспроизведен в ст. 8 УК РФ, принятого в 1996 г., в которой содержится более лаконичная формулировка: «Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом».

Такому подходу последовали большинство законодателей стран, для которых готовился модельный Уголовный кодекс, которые не отказались от состава преступления как уголовно-правовой конструкции и не умалили при этом его роли в части определения основания уголовной ответственности.

Современная российская доктрина в большинстве своем склонна адекватно оценивать значение состава преступления как базисной уголовно-правовой категории. И это приобретение не только и не столько советской правовой науки, состав преступления в различных его вариациях (и как состав деяния) существовал в науке и законодательстве других государств задолго до признания его учеными советского периода.

Как отметил, проводя инструментальный анализ состава преступления, А.Э. Жалинский, в современной уголовно-правовой литературе различных стран учение о составе преступления является не просто одной из центральных частей науки уголовного права, но и практической основой применения уголовного законодательства, его алгоритмом. Говоря о значении состава преступления в механизме формирования основания уголовной ответственности, А.П. Фильченко отметил, что, возникнув как теоретическая уголовно-правовая категория советского уголовного права, состав преступления получил значение единственного основания уголовной ответственности, отсутствие которого в действиях лица эту самую ответственность исключает. Значение состава преступления трудно переоценить и для правоприменительной практики. Вопрос о том, содержится ли в совершенном деянии регулируемый УК РФ состав, олицетворяет собой второй этап установления уголовной ответственности, следующий за определением свершившегося явления как деяния.

Оценивая подход к рассматриваемому вопросу белорусского законодателя, отметим, что в УК Республики Беларусь не воспринята рассмотренная выше позиция, но получила отражение одна из трех вышеназванных точек зрения, согласно которой таким основанием признается совершение общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом.

Согласно ст. 10 УК Республики Беларусь основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного уголовным законом деяния в виде: 1) оконченного преступления; 2) приготовления к совершению преступления; 3) покушения на совершение преступления; 4) соучастия в совершении преступления.

Из данной нормы следует, что при определении основания уголовной ответственности законодатель отказался от категории «состав преступления». Вместе с тем в действующем УПК 1999 г. (как и в УПК 1960 г.) отсутствие в деянии состава преступления называется в качестве одного из обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу (п. 2 ч. 1 ст. 29). Более того, в нем уже не значится такое основание, как недостижение к моменту совершения общественно опасного деяния возраста, по дости-

жении которого согласно закону возможна уголовная ответственность. Таким образом, орган уголовного преследования в случае совершения деяния лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, вынужден ссылаться на отсутствие в деянии состава преступления. Ни на какое другое обстоятельство, предусмотренное ст. 29 УПК Республики Беларусь, он сослаться не может. Поэтому в правоприменительной практике, решающей вопросы, связанные с основанием уголовной ответственности, и по сей день используется категория «состав преступления». Такое обстоятельство, как «условие уголовной ответственности», введенное в УК Республики Беларусь, в УПК не предусмотрено. Более того, не отказываются от указанной категории ни теория уголовного права, ни практика, когда речь идет о квалификации преступлений. Эти вопросы решаются именно на основе теории о составе преступления. А сама квалификация содеянного, по сути, означает признание деяния преступным, т. е. непосредственно влияет на решение вопроса о наличии или отсутствии основания уголовной ответственности.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что подход к определению основания уголовной ответственности, воспринятый белорусским законодателем, требует корректировки как уголовно-процессуального, так и уголовного законодательства в целях устранения расхождений и отражения единого концептуального взгляда на решение данной проблемы.

УДК 343.9

А.Г. Сачек

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Угрозы национальной, в том числе и экономической, безопасности в законодательстве принято квалифицировать в первую очередь в зависимости от местонахождения угроз на внутренние и внешние. Такой подход применяется в Беларуси, России, Армении и Казахстане.

Основанием для указанного подхода выступает государственная принадлежность источника угрозы. При разграничении внешних и внутренних источников угроз особое внимание уделяется не географическому признаку, а юрисдикционному. Так, если потенциальным источником угрозы национальным интересам выступает гражданин Республики Беларусь, находящийся за пределами страны, либо субъект хозяйствования, зарегистрированный в Беларуси, но осуществляющий свою деятельность за ее пределами, такие источники являются внутренними. Соответственно, если угрозу представляет иностранный субъект, находящийся на территории республики, то такую угрозу следует относить к внешним.

Как внешние, так и внутренние угрозы традиционно классифицируются по сферам жизнедеятельности общества. Такая квалификация позволяет, во-первых, упростить систематизацию источников угроз, во-вторых, актуализировать внимание и законодательно закрепить специфические сферы генерации угроз каждого конкретного государства. Так, среди внутренних угроз в Армении отмечается комплекс источников опасности, связанных с урбанизацией, а в Беларуси – угрозы, связанные с последствиями, вызванными чернобыльской катастрофой.

Любая угроза в своем формировании проходит несколько этапов. Так, с момента зарождения источника опасности и до возможности наступления реальных негативных последствий может пройти значительный промежуток времени. В связи с этим угрозы можно подразделить на потенциально возможные и реально существующие. Основной задачей является построение и эффективная деятельности системы прогнозирования и предупреждения угроз. Субъекты обеспечения безопасности должны, с одной стороны, предвидеть возможность возникновения потенциальных угроз, а с другой – принимать меры по снижению реально существующих рисков и переводу реальных угроз в группу потенциальных.

Приведенные выше основания классификации угроз представляют собой во многом субъективное восприятие законодателей и субъектов законотворческой инициативы проблемы обеспечения безопасности. Именно субъективное восприятие тех или иных процессов формирует концептуальные подходы практически ко всем вопросам в сфере обеспечения безопасности. Степень оценки источника опасности, возможность наступления события и его последствия, распределение сил и средств и многие другие действия несут в себе элемент субъективного восприятия объективной реальности, что влечет за собой искажение действительности. Мы разделяем мнение авторского коллектива под руководством А.А. Прохожева о необходимости классификации угроз в зависимости от субъективного восприятия.

Субъективное восприятие угрозы может быть неосознанным, завышенным, заниженным, адекватным и мнимым.

Под неосознанной угрозой необходимо подразумевать объективно существующую либо реально зарождающуюся угрозу, о которой субъекты обеспечения не знают либо не могут предвидеть наступление негативных последствий. Как правило, возникновение неосознанной угрозы связано либо с обстоятельствами непреодолимой силы, либо с влиянием антропогенных факторов на окружающую среду.

Если субъекты обеспечения безопасности реально осознают наличие угрозы, но либо существенно завышают уровень реальной опасности, либо занижают возможные риски – завышенное или заниженное восприятие угрозы.

Мнимая угроза – сформированное в сознании субъекта обеспечения безопасности ложное представление о наличии опасности либо искусственно сформированное восприятие события как реальной угрозы без наличия для этого реальных оснований.

Оптимальный случай, когда у субъектов обеспечения безопасности субъективная оценка угрозы, опасности и рисков максимально точно совпадает с реально существующей действительностью – адекватная угроза.

При оценке деятельности субъектов обеспечения безопасности по формированию объективного восприятия угроз необходимо учитывать две группы факторов. Первую группу составляют объективные причины ошибочности в оценке угрозы: ограниченность человеческих знаний (в первую очередь касается законов природы), отсутствие необходимого объема знаний для объективной оценки ситуации, быстрая динамика изменения реальной обстановки и скорость наступления последствий.

Вторую группу формирования неадекватного восприятия угрозы играют субъективные факторы: низкий уровень профессиональной подготовки субъектов обеспечения безопасности; отсутствие либо неиспользование современных методик прогнозирования развития событий, личностные особенности характера и мировоззренческие установки, внешнее влияние на субъектов обеспечения безопасности со стороны лиц, заинтересованных в формировании необъективного восприятия угрозы.

Разнообразие угроз экономической безопасности, различные направления изучения указанной проблемы позволяют ученым предлагать иные, более развернутые классификации угроз. Так, в целях определения роли и степени влияния экономической